

Лебедева чудом не забили на бойне

Изображая лошадей, один из них вставал в упряжку, фыркал, тряс головой и жевал солому, другой, держа конский хвост и стопочку, рассуждал о бренности мира, третьему пришлось укладывать собственные локоны в гриву, стрелять глазками и вставать на цыпочки... Кобыла светлой масти, под "шкурой" которой скрывался Михаил Боярский, была игрива и остроумна; пегий мерин Евгения Лебедева выглядел сентиментальным и мудрым; кентавр Сергея Глушко поражал изяществом. Ни для одного из артистов роль лошади не прошла бесследно. А судьбы самих лошадей, занятых в съемках, и вовсе... сложились трагически.

СМЕХ КЕНТАВРА

Как превратиться в лошадь за несколько часов

мающуюся в фильме лошадку: беззащитную животину одолевала тучи слепней. Режиссер то и дело веткой разгоняла кровососов.

Когда Боярский лично запряг в телегу резвую кобылу, консультант с конного завода потерял дар речи. Обычно артисты не отличали потник от казакина...

— Я с детства бегал на конюшню, — говорит артист. — Научился прекрасно разбираться в упряжи. Коню и свою первую лошадку: это был тяжеловоз с костлявым горбом, но спокойным галопом. Я и по сей день считаю, что по красоте среди всех домашних животных на первом месте стоит лошадь.

А кобыла светлой масти, которую так натурально изображал Боярский, позднее, неудачно выпрыгнув из кузова машины, погибла...

Откачивать пришлось тогда даже не Лебедева, получившего "травму на производстве", а самого Штиля... Он ходил к Евгению Алексеевичу в больницу и ревел, как мальчишка.

После спектакля за кулисами Евгений Лебедев часто распевал свои любимые песни: "Метелки" и "Дубинушку" — и, философствуя, рассуждал вслух, что "кожу моего Холстомера унесет драч, мясо мерина достанется собакам и волчатам, мослаки и череп пустит в дело проходящий мимо мужик. А у умершего князя Серпуховского — хозяина мерина — ни кожа, ни мясо, ни кости никуда не пригодятся..."

Немногие знают, что под впечатлением спектакля Александр Розенбаум посвятил исполнителю Холстомера знаменитую "Песню коня цыганских кровей":

"Чтоб ветра тебя, сынок, знали,
Только воле верь — нельзя верить
Тем, кто наземь нас, коней, валит", —
Мне наказывал старик мерин...

Хомут на шею Боярского

Российский Д'Артаньян — Михаил Боярский замотал на съемках не одну лошадь. Могли актер предположить, что ему самому придется оказаться в роли коня!

— Я на своей шее почувствовал, что хомут — дело тяжелое... — вздыхает артист.

В музыкальной сказке Надежды Кошеверовой "Как Иванушка-дурачок за чудом ходил" Боярский мастерски сыграл Федю-конокрада. Жулик ловко увел у хозяина лошадь, а чтобы замести следы, ему пришлось накинуть на себя хомут и закусить удила.

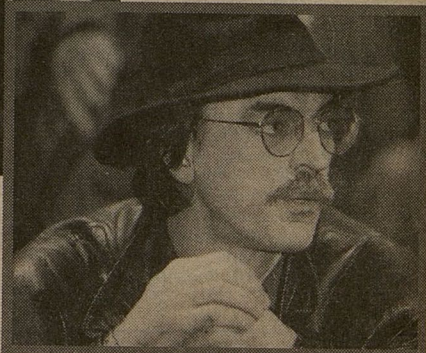
— И ноздри раздувал, как заправский рысак, и фыркал, и ржал, и даже соломку пробовал на зуб, — рассказывает артист.

Съемочная группа не переставала удивляться, насколько точно он подражал голосам животных и птиц. Бывало, раздавался петушиный крик — все оборачивались, думая увидеть будущего крыльями задиру, а наткнулись взглядами на Михаила Боярского. Так же мастерски имитировал он и конское ржание.

— Не прошло даром обучение в музыкальной школе при консерватории?

— Не без этого, — смеется Михаил. — Но, наверное, русская деревня у меня в крови...

Снимали фильм в дюнах под Ленинградом. Надежде Кошеверовой до слез было жалко сни-

лышали: "Хозяин мой богат и беден..." Мне ничего не оставалось, как убрать этот куплет из спектакля... На афише Лебедев мне тогда написал: "Может быть, не все понял, но то, что понял, пою с удовольствием".

Со временем роль Холстомера стала любимой ролью Евгения Лебедева. С этим культовым спектаклем он объехал весь мир.

— Евгений Алексеевич всегда сам гримировался к спектаклю, — рассказывает напарник Лебедева Георгий Штиль, играющий в спектакле конюха. — Ему достаточно было нанести несколько штрихов, чтобы изобразить "лошадиное лицо". В театре все знали, что Лебедев прекрасно рисует.

По воспоминаниям друзей, выходя на сцену в роли Холстомера, актер, прежде чем сказать первую фразу, вспоминал отца-священника и мать, расстрелянных в 1937 году. Он знал, какого быть "пегим": сверстники дразнили его "попенком" и травили "по закону табуна".

У исполнителя главной роли, как и у всего "табуна", был очень простой костюм — из серо-

го холста. Все декорации были сделаны из этого же материала. Настоящий Холстомер!

— Лебедеву не нужны были какие-то дополнительные элементы костюма, — говорит Юрий Ряшенцев. — Например, родившегося пятнистым, словно сорока, жеребенка он играл исключительно мимикой и пластикой. Он так удивленно и открыто смотрел на всех вокруг, что мы и впрямь видели перед собой стригунка. Первое живое существо, с которым познакомился малыш, — бабочка. Лебедев держал желтого мотылька на тонкой проволочке. Взлетала бабочка — тотчас взбрыкивал и артист-жеребенок. У Евгения Алексеевича была заготовлена для зрителей масса всяческих примочек. Когда конюх ему выносил ведро с водой, он становился боком к залу и очень комично показывал, как он пьет: живот у него при этом ходил ходуном...

— "Не надо!!!" — раздался однажды пронзительный крик в зале, когда мерин на сцене терпеливо ждал, пока на него натеат нож, — рассказывает Ряшенцев. — Билетерши бросились к пожилому человеку. Он даже не осознал, что кричит, он участвовал в спектакле...

В сцене убийства своего героя на бойне Евгений Алексеевич молниеносно выдергивал из потайного кармашка шелковую красную ленту... Легкая ткань змеей билась у самого его горла. Тут же менялся и задний фон сцены: откидывались пазы серого цвета, под которыми "горела" алая подкладка.

— Как-то в финале я на самом деле едва не убил Лебедева, — вспоминает Георгий Штиль. — Я поднял тесак, чтобы забить Холстомера, — давление у Евгения Алексеевича тогда было под 200, он покачнулся, а тут еще свет включили на мгновение раньше... Я рубанул тесаком и попал Лебедеву прямо в надбровье. Кровь полилась фонтаном...

Мир, который мы создаем, 201-290к-с8

ИТАР-ТАСС